

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ ЯПОНСКОГО И КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

Анатолий Тимофеевич КУЗИН,

кандидат исторических наук, доцент филиала Тихоокеанского государственного экономического университета, г. Южно-Сахалинск.
E-mail: Anatoliy Kuzin1939@mail.ru

В данной статье на основе новых архивных материалов анализируются проблемы репатриации японцев с территории Южного Сахалина и Курильских островов в 1946—1949 гг. Рассмотрена также ситуация с репатриацией сахалинских корейцев, бывших японских подданных.

Ключевые слова: Южный Сахалин, Курильские острова, Япония, репатриация, подданство, гражданство, международные отношения.

Problems of the post war repatriation of Japanese and Korean population of Sakhalin.
A.T. Kuzin, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Branch of the Pacific State Economic University, South Sakhalinsk.

On the base of new archive data the author analyzes problems of repatriation of the Japanese from the territory of South Sakhalin and the Kuril Islands in 1946—1949. There is considered the situation of repatriation of Sakhalin Koreans being Japanese subjects.

Key words: South Sakhalin, the Kuril Islands, Japan, repatriation, citizenship, international relations.

Одним из сложных и наименее изученных в отечественной исторической литературе является вопрос о репатриации японского и корейского населения Южного Сахалина (Карафуто) и Курильских островов (Тисима) после окончания Второй мировой войны. В СССР вплоть до конца 80-х гг. вся соответствующая документация была строго засекречена. В результате о послевоенной репатриации длительное время было не принято говорить и тем более писать. Затянувшееся молчание побуждает обратиться к событиям прошлого и представить на основе архивных документов историческую правду о политическом механизме подготовки и практическом осуществлении репатриационной политики в отношении японского и корейского населения Сахалина. Ввиду сложности и многогранности рассматриваемой проблемы автор в рамках настоящей статьи рассматривает лишь некоторые основные её аспекты. По международному публичному праву для воюющих государств после войны в обязательном порядке наступают её правовые последствия, которые предполагают не только возвращение военнопленных, но и гражданского населения.

Японское и корейское население Сахалина начало самостоятельно эвакуироваться в период боевых действий с 9 по 24 августа 1945 г. По данным советской администрации, с Южного Сахалина к сентябрю 1945 г. выехало более 100 тыс. человек [1].

Правительственная комиссия, изучавшая положение дел на Южном Сахалине в сентябре 1945 г., констатировала в целом нормальное и благожелательное настроение местного населения, которое, почитая японского императора, всё же принимало к исполнению распоряжения советской военной и гражданской администрации в надежде получить работу и средства к существованию. Император Японии 22 ноября 1945 г. издал рескрипт № 651 о создании специального управления по оказанию срочной помощи в репатриации японского населения [2]. На основании меморандума главнокомандующего союзными оккупационными войсками в Японии американского генерала Д. Макартура от 29 января 1946 г. № 677 японскому правительству предписывалось «...прекратить осуществление или попытки к осуществлению государственной или административной власти в любом районе вне Японии», из состава территории которой исключались Курильские острова и Южный Сахалин [3].

Репатриация японцев началась в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г. № 2235—921 [4]. В её основу был положен принцип добровольности [5]. Каждый глава семьи приглашался на заседание специально созданных комиссий, и в случае согласия на выезд в Японию оформлялись соответствующие документы. Списки репатрируемых составлялись непосредственно на предприятиях и в учреждениях, просматривались в военно-гражданских управлениях, в органах милиции и госбезопасности, после чего утверждались репатриационными комиссиями [6, 7].

График отправки японского населения утверждался по каждому району на весь срок репатриации с предупреждением о выезде за две недели. Со сборных пунктов репатрианты по 2—3 тыс. человек доставлялись в г. Холмск, в транзитный лагерь № 379 с последующей доставкой в лагерь № 380 (Находка). Затем на советских, американских и японских пароходах они отправлялись в Японию. Советская сторона строго соблюдала взаимную договорённость о том, чтобы среди репатрируемых не было ни одного больного. В этих целях в г. Холмске действовало два лагерных пункта. В одном из них японцы получали усиленное бесплатное питание за счёт советского государства, а в другом — проводились санитарный осмотр и лечение больных [8]. Правительственное решение обязывало производить с репатриантами полный расчёт по денежному вознаграждению за работу, обеспечивать всех исправной одеждой и обувью, трёхразовым питанием на время следования в пути до порта Находка, а также медико-санитарное обслуживание [9]. Репатриация населения с территории Курильских островов началась в сентябре 1947 г. и осуществлялась силами и средствами только японского правительства [10]. Разрешалось увозить по 100 кг вещей на главу и по 50 кг на каждого члена семьи, но исключался вывоз японских и советских денежных знаков, золота [9].

В соответствии с решением Совета Министров СССР от 17 июня 1947 г. № 2086-549с оставшее имущество реализовывалось в следующем порядке:

- а) жилые дома, надворные постройки в сельских местностях передавались по акту в личную собственность бесплатно отечественным колхозникам-переселенцам, а хозяйственные и производственные строения — на баланс колхозов;
- б) жилые дома, производственные здания и служебные помещения, освобождённые при выезде японских рыбаков и работников промышленных предприятий, передавались безвозмездно Главсахалинрыбпрому;
- в) здания, сооружения, орудия лова и средства производства, сырьё, полуфабрикаты, готовая продукция, а также инвентарь промышленных

предприятий и организаций, учреждений безвозмездно передавались трудовым коллективам;

- г) остальное имущество передавалось по акту государственным, кооперативным организациям и предприятиям, а также колхозам за плату;
- д) личное имущество японских граждан отправлялось на склады и после финансовой оценки реализовывалось через торговую сеть, суммы от реализации имущества зачислялись в местный бюджет [11].

До репатриации на японских подданных распространялись все советские законы, обеспечивавшие им право на труд и отдых, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, на отправление религиозных обрядов. В случае болезни или инвалидности выдавались пенсии и пособия. Продукты питания каждому репатрируемому отпускались на весь текущий месяц независимо от дня отъезда. Предоставлялась также возможность дополнительно покупать по коммерческим ценам национальные консервы и хлеб из расчёта 300 г на человека.

Ежемесячно предполагалось репатриировать до 30 тыс. человек. Но на местах не было заинтересованности в отправке японского населения, так как оно составляло основную рабочую силу, лишившись которой, многие производства могли бы остановиться. Главным образом по этой причине репатрируемые доставлялись в Холмский транзитный лагерь № 379 с опозданием, а пароходы нередко отправлялись недогруженными [12].

Вначале выезжали владельцы предприятий, торговцы, чиновники, часть интеллигенции и служащие, неработающее население, лица, имеющие в Японии членов семьи, а затем — рабочие предприятий, мастерских, бирж, компаний. После уборки урожая вывозились крестьяне, часть служащих из сёл, наконец — врачи, учителя, инженеры и другие специалисты, а также священнослужители. В особых случаях давалось разрешение включать в первую очередь на репатриацию лиц любых профессий и категорий [13].

Но такой порядок оказался не лучшим. Во-первых, значительная часть японцев в стремлении быть зачисленными в списки репатрируемых в качестве безработных самовольно покидала производство. Во-вторых, желание японцев, особенно бывших крупных промышленников, чиновников и др., как можно быстрее уехать на родину, создавало обстановку, когда отдельные морально неустойчивые люди пользовались ситуацией в целях обогащения. Репатриационные комиссии осаждали должностные лица и руководители предприятий с ходатайством об отправке, даже принудительной, целых групп японского населения. Доминирующим мотивом этих просьб был материальный интерес: приобретение за счёт репатрируемых домашнего имущества, живности и жилплощади.

Допускались и другие нарушения. Японским гражданам не предоставляли достаточного времени для подготовки к отъезду, порой не разрешалось продавать личное имущество, которое будучи брошенным расхищалось. Под угрозой запрещения репатриации часть японцев принуждалась к сверхурочным работам. На многих предприятиях преднамеренно задерживалась выдача заработной платы. Нередко насильственно, без возмещения стоимости забирались домашний скот, корма, сельхозинвентарь, совершались потравы посевов и покосов. Случалось, что репатрируемые отправлялись не в пассажирских, а в товарных вагонах, даже без санитарной обработки. Имели место факты, когда у японцев вымогались деньги за доставку к сборным пунктам. Многие из них за свой счёт приобретали железнодорожные билеты или давали взятки железнодорожным служащим лишь бы добраться до транзитного лагеря. Это вызывало множество жалоб [14].

Демократически настроенные японцы из числа интеллигенции выступали с лекциями и докладами на политические темы под контролем 7-го отдела Дальневосточного военного округа. В целях активизации этой работы перед ЦК ВКП(б) ставился вопрос об организации специальной (закрытой) политической школы в составе 20—30 слушателей японцев с месячным сроком обучения и через них как репатриантов передавать демократические идеи на территорию собственно Японии [11. Оп. 5. Д. 92. Л. 120—127].

В августе 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление, которым признавалось необходимым:

- на предприятиях нефтяной промышленности Сахалинской области оставить до конца 1947 года 1000 военнопленных японцев из числа 1889, работающих на этих предприятиях;
- из числа японцев-рыбаков и работающих на предприятиях рыбной, целлюлозной и бумажной промышленности и комбината «Сахалинуголь» передать органам репатриации не более 30 процентов (с семьями), а остальных в 1948 году;
- заключать трудовые договоры с японцами, изъявившими желание остаться работать в Сахалинской области, распространить на них систему оплаты труда и нормы снабжения продовольственными и промышленными товарами наравне с аналогичными категориями советских работников [15].

В период репатриации участились факты вредительства, особенно в бумажной и угольной промышленности. Произошёл ряд крушений поездов, повлёкших человеческие жертвы. Всё это заставило принимать оперативные меры по пресечению диверсионной деятельности японцев и ускоренной их отправке. О времени репатриации их стали извещать не раньше чем за 24 часа до отправления. Все денежные расчёты подготавливались секретным порядком и проводились без задержки. Одновременно последовали меры по усилению паспортного режима. Лица, вызывавшие подозрение, репатриировались незамедлительно. На более важных народнохозяйственных объектах японский обслуживающий персонал был заменён на русский, а охрана объектов стала осуществляться круглосуточно [15. Оп. 1. Д. 306. Л. 138—140].

Среди японцев высказывались различные суждения о репатриации. Находились немало и таких, которые отказывались ехать на родину. В частности, в феврале 1946 г. владельцы макаронной фабрики в г. Южно-Сахалинске обратились с просьбой принять их на фабрику «с полным её оборудованием и рабочей силой» и закрепить коллектив пожизненно на работе по специальности, обещая трудиться «честно, производительно и преданно советской власти». Высказывалась и масса благодарностей в адрес администрации [16].

В 1949 г. почти все проживающие на Южном Сахалине и Курильских островах японцы общей численностью около 360 тыс. чел. были репатриированы в Японию. Корейское население оказалось в более сложном положении. Особенно остро стоял вопрос о возвращении в Южную Корею, выходцами из которой была большая часть корейцев. Обратимся в связи с этим к инструктивному письму Сахалинского облисполкома от 14 октября 1947 г. следующего содержания:

«Правительством разрешена репатриация в Японию только японского населения, о чем неоднократно разъяснялось облисполкомом, но отдельные горрайисполкомы посылают в транзитный лагерь и корейское население.

Поронайский райисполком (председатель т. Ройх) направил в транзитный лагерь для вывоза в Японию группу корейского населения в количестве 26 человек, не имея никаких оснований и разрешения на это, чем нарушил постановление правительства о репатриации» [22. Л. 36].

На необходимость пресечения попыток репатриации корейцев указывалось и в письме Сахалинского облисполкома от 25 июня 1948 г., в котором признавалось, что разрешение на выезд корейцам незаконно даётся репатриационными комиссиями на условиях получения ими различного рода взяток.

В августе 1948 г. последовало донесение начальника пограничных войск МВД Сахалинского округа полковника А.Д. Губина о том, что проживающие на островах Малой Курильской гряды Южно-Курильского района 50 корейцев выступили с требованиями о репатриации в Корею. В этой связи запрашивалась санкция перебросить их на о-в Сахалин во избежание «нелегального ухода в Японию» [22. Л. 57].

А сколько же осталось корейцев на Южном Сахалине? Приведём точки зрения исследователей, уже изучавших этот вопрос. Сахалинский историк Н.И. Колесников: «...После освобождения Южного Сахалина от японских захватчиков осталось свыше 47 тысяч лиц корейской национальности» [7]. Такаги Кэнити (Япония): «...Из колониальной Кореи насильственно вывезено около 2 млн. молодых корейцев, из которых примерно 60 тыс. были направлены на Сахалин... После войны на острове осталось примерно 300 тыс. японцев и 43 тыс. корейцев» [18]. Стефан Д. (США): «К 1941 г. корейское население Карафутто достигло 150 000 человек. Около 100 000 из них были переправлены на Японские острова в период Тихоокеанской войны для компенсации острой нехватки рабочей силы в угольной промышленности Японии. В конце войны оставалось около 43 000 корейцев» [1, с. 81]. Советский историк Ли Бен Дю: «...В течение 1938—1945 гг. на Южный Сахалин было насильственно переселено около 20 тыс. человек (корейцев. — А.К.)» [19].

Известный российский кореевед, доктор исторических наук Н.Ф. Бугай: «После окончания второй мировой войны на острове (Сахалин. — А.К.) насчитывалось около 50 тыс. граждан корейской национальности» [20].

Вот такая пёстрая картина возникает при анализе данного вопроса. Что касается автора этих строк, то он считает более реальными данные губернаторства Карафутто и гражданского управления Южного Сахалина при военном совете 2-го Дальневосточного фронта. Согласно их подсчётам, за 40 лет колонизации Южного Сахалина численность принудительно завезённого сюда корейского населения достигала максимум 50 тыс. человек [21. Д. 2. Л. 24], а к концу войны сократилась до 23,5 тыс. [21. Д. 7. Л. 259].

Послевоенные межгосударственные контакты позволяют выделить основные этапы, затрагивающие судьбы бывших японских подданных из числа корейцев Сахалина.

Первый этап (1946—1949). В марте 1946 г. Верховным командующим объединённых военных сил стран победившей коалиции японскому правительству было направлено специальное «Руководство по репатриации». Затем по этому вопросу было подписано советско-американское соглашение. В этих документах определялось начало репатриации — октябрь 1946 г. и указывались категории репатриантов — японские военнопленные и гражданские лица-японцы по личному желанию [23]. Но в этот период ни правительство Японии, ни проводимые Токийский и Хабаровский судебные процессы над японскими военными преступниками не возбуждали вопроса о возвращении корейцев на родину. Если бы такой вопрос ставился, то Советский Союз был готов пойти на эту акцию, хотя и проявлял заинтересованность в использовании корейской рабочей силы в послевоенном восстановлении местного хозяйства.

Начало *второго этапа* межгосударственных контактов можно отнести к сентябрю 1951 г., когда был подписан Сан-Францисский договор, который

предопределил послевоенное развитие Японии, но оставил без внимания вопрос о возвращении на родину бывших карафутских корейцев, к тому же не был подписан Союзом ССР, так как носил сепаратный характер.

Третий этап межгосударственных контактов связан с принятием советско-японской декларации от 19 октября 1956 г. [24]. В результате смогли вернуться все оставшиеся японцы и около 500 взрослых корейцев — членов японских семей с детьми. Это была последняя официальная акция по репатриации.

В 1965 г. Япония согласилась предоставить Республике Корея компенсацию в сумме 300 млн. долларов в обмен на признание того, что все правовые и имущественные вопросы с Японией «полностью и окончательно решены». Но на этом *четвёртом этапе* уже Республика Корея не считала возможным взять под защиту бывших своих соотечественников. Не был поставлен и вопрос о выделении им части полученной от Японии компенсации или их репатриации. Но в историческом плане право на это у сахалинских корейцев сохраняется вне зависимости от всех корейско-японских соглашений.

Пятый этап начался в 1991 г., когда между Россией и Республикой Корея были установлены дипломатические отношения, открывшие новые возможности в решении накопившихся межгосударственных проблем, связанных с историческими судьбами сахалинских корейцев.

Япония как непосредственный виновник трагической судьбы своих подданных из числа лиц корейской национальности официально признаёт лишь свою моральную ответственность, но никак не международно-правовую, включающую в себя ответственность политическую и материальную. Такая позиция мотивируется, во-первых, тем, что репатриация японского населения проходила под контролем победивших союзных держав, а, во-вторых, по мнению Японии, сахалинские корейцы перестали быть её подданными. Между тем с международно-правовой точки зрения ответственность японского правительства за несостоявшуюся репатриацию сахалинских корейцев вполне очевидна.

Что касается бывшего Советского Союза, то его позицию следует рассматривать как выжидательную. Объяснить это можно тем, что освобождённому Южному Сахалину нужна была рабочая сила, и такую силу представляли корейцы, которые в значительной мере компенсировали материальные затраты на завоз русских переселенцев. Советское государство обязано было предпринять все необходимые меры для репатриации корейского населения, включая и возможность передачи его нейтральным государствам как посредникам. Тем более, что международное право подводило под это достаточную юридическую базу. В частности, для нашего анализа принципиальное значение имеет нормативное положение Женевской конвенции «О защите гражданского населения во время войны» (1949 г.) [24, с. 680—705] о том, что между конфликтующими сторонами могли заключаться «специальные соглашения о репатриации лиц, попавших во власть противника» (ст. 36) и ничто не могло служить препятствием для возвращения их в свою страну после окончания военных действий.

Международная практика к тому времени уже имела опыт разрешения подобного рода проблем, когда договаривающиеся стороны учреждали смешанную репатриационную комиссию с полномочиями устанавливать сроки, способы и условия отправления репатриантов, а также порядок взаиморасчётов. Возможна была и многовариантность решения проблемы по опыту послевоенного урегулирования с Италией [25] и Финляндией [26], Израилем и Германией [27].

Очевиден и другой вывод, что СССР не мог в одностороннем порядке ни репатриировать корейцев, ни задерживать их на Южном Сахалине, поскольку

действовало советско-американское соглашение по данному вопросу. К тому же при всём желании Советский Союз не мог вывезти корейцев в Южную Корею, поскольку не имел с ней дипломатических отношений, а её территория находилась под военно-политическим контролем США. Тем более, что приведение национального состава государств в соответствии с изменившимися их территориальными границами являлось прерогативой совместно согласованной послевоенной деятельности союзных держав — основателей ООН. Следовательно, односторонние действия любого государства в целях проведения репатриационной акции, с точки зрения норм международного права, считались бы противоправными и Советский Союз строго следовал этим нормам.

Неоднократно принимая постановления о репатриации японцев, советское правительство не распространяло их действия на сахалинских корейцев. Советские поправки и дополнения к Сан-Францискому мирному договору также не предусматривали возможность решения репатриационного корейского вопроса. Между тем в отношении сахалинских айну, тоже японских подданных, запрет на репатриацию был в одностороннем порядке снят правительством в октябре 1948 г. [22. Л. 85].

Свою долю ответственности несёт и правительство США, которое в течение первых послевоенных лет контролировало внешнюю политику как Южной Кореи, так и Японии, и могло попытаться решить проблему возвращения на историческую родину сахалинских корейцев. Однако оно ничего не сделало, чтобы решить проблему. Хотя для этого было достаточно международно-правовых оснований. В распоряжении США были военно-политические и военно-административные ресурсы, поскольку под их контролем работали штаб оккупационных войск союзных держав и Дальневосточная комиссия по Японии.

Отсюда правомерно сделать вывод, что корейцы как японские подданные были оставлены на Южном Сахалине не потому, что их не отпускал Советский Союз, как считают некоторые исследователи, а в силу установившегося американского оккупационного режима в Японии, а затем и в Южной Корее.

Очевидно также, что ответственность за исторические судьбы японизированных сахалинских корейцев лежит на всех странах победившей коалиции. Союзные державы обладали правом объявить свои требования о дальнейшей судьбе корейцев. Однако никаких распоряжений не последовало, хотя принятый в июне 1945 г. Устав ООН закреплял юридическую силу всех действий правительств Союзных держав, предпринятых или санкционированных ими в течение Второй мировой войны в отношении государств, которые являлись их врагом (ст. 107).

Таким образом, сложившиеся и внутренние, и международные обстоятельства объективно воспрепятствовали репатриации корейцев совместно с японцами. Принципиальные подходы к осуществлению репатриации японцев в целом соответствовали общегуманным и международным нормам, чего нельзя сказать в отношении корейского населения. Межгосударственный запрет на репатриацию с Южного Сахалина японизированных корейцев не поддаётся никакому разумному объяснению. Тысячи корейских семей, завезённых Японией на чужую землю, оказались брошенными на произвол судьбы. Сахалинские корейцы, испытывавшие на себе гнёт японской военщины, потеряв родину и национальное гражданство, на многие десятилетия были лишены права соединиться со своими родными и близкими.

С моральной точки зрения это можно признать преступлением против корейской нации, с исторической — трагедией судьбы, а с политико-юридичес-

кой — нарушением норм международного права. К тому же из-за длительной нерешённости одних возникают всё новые и новые вопросы теперь уже в рамках современной модернизации российского общества. Радикально изменившиеся международные отношения обуславливают в наши дни необходимость новых политологических подходов, нового видения политико-правовых проблем послевоенного устройства сахалинских корейцев и адекватных практических действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Стефан Д. Сахалин. История // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 72.
2. Вестник японского правительства «Кампо». 1945. 22 нояб. № 5661.
3. Русские Курилы: история и современность: сб. док. по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 1995. С. 102—103.
4. ГАСО (Государственный архив Сахалинской области). Ф. 53. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.
5. ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 16; Ф. 459. Оп. 3. Д. 1. Л. 39.
6. ГАСО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1864. Л. 152—154; Д. 1865. Л. 176—187.
8. ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 16—17; Ф. 53. Оп. 1. Д. 13. Л. 41—42.
9. Латышев И. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992. С. 21.
10. Сахалинский центр документации новейшей истории (СЦДНИ). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 2. Л. 6—10.
11. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 83. Л. 62—64; Оп. 5. Д. 92. Л. 120—127; Оп. 7. Л. 110—111; Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 8, 30—31, 52—53; Оп. 16. Д. 9. Л. 41.
12. СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 353. Л. 13; Д. 349. Л. 4; Д. 361. Л. 2—16; Д. 363. Л. 75—76.
13. ГАСО. Ф. 459. Оп. 3. Д. 1. Л. 39, 40.
14. ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 4. Л. 23—24; Ф. 53; СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 306. Л. 26, 83; Д. 329. Л. 91—95.
15. ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 4. Л. 44; Ф. 459. Оп. 3. Д. 1. Л. 60а; СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 306. Л. 138—140; Оп. 44. Д. 2. Л. 6—7.
16. ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 54. Л. 38; СЦДНИ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.
17. Колесников Н. И. В одном строю с рабочими и крестьянами. Южно-Сахалинск, 1974. С. 108.
18. Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск, 1989. С. 22.
19. Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства (1905—1945 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975. С. 21.
20. Бугай Н. Ф. Социальная натурализация и этическая мобилизация: (опыт корейцев России). М., 1998. С. 208.
21. ГАСО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 2. Л. 24; Д. 7. Л. 259.
22. ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 4. Л. 36, 57, 85.
23. История дипломатии. М., 1974. Т. 5, кн. 1. С. 170.
24. Всеобщая декларация прав человека // Действующее международное право. М., 1999. Т. 2. С. 5—10, 680—705.
25. Ведомости Верховного совета СССР. 1947. № 20.
26. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1947. 20 февр. № 43.
28. Высоков М. С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1999. № 2. С. 95—102.